

Камарья / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Камарья / рассказ КАМАРЬЯ

– Завтра все на покос гребля подсохла надо сено в копны сметать, всем спать, – поднимаясь из-за стола, сказал Степан.

– Па-а-а-п, – заныл Сашка, – Ольга к нам, что ли сено косить приехала, сегодня в клубе ансамбль из района выступать будет.

– То-то не видела она у себя в городе ансамблев, за себя танцор стараешься, – метнул на него строгий взгляд отец.

– Стёпа, когда же им ещё побегать, как не сейчас? – вмешалась Надежда, наливая горячую воду в тазик.

– Делайте что хотите! Вечно ты ему потакаешь! – Буркнул муж и, громко хлопнув дверью, вышел в ограду.

В комнате наступила тишина.

Сашка, склонив кудрявую голову над столом, катая хлебный шарик, решал про себя что делать: ложиться спать, когда солнце едва скатилось за сопки, совсем не хотелось, но и расстраивать попусту отца он не решался.

Надежда молчала мыла посуду, поглядывая то на сына, то на притихшую племянницу, пристроившуюся рядом и протиравшую чистым полотенцем мокрые тарелки.

– Ишь, какая красавица, да умница у Татьяны выросла, в университете учится, – в очередной раз порадовалась она. – Конечно, сыну хочется перед деревенскими парнями погордиться такой сестрой. А с другой стороны и мужа жалко. Напрыгаются до утра, потом какие из них работники. Хозяйство большое, сена на зиму много наготовить надо. А покос только начался.

– Ну, что приуныли? – закончив прибираться на столе, спросила она. – Постель стелить, или на танцы побежите?

– Тётя Надя, мы ненадолго, часок побудем, и назад, – опередила Ольга брата, зная, что как гостье ей простят то, за что Сашке влетит сполна.

– Идите, уж. Только не забывайте, на стан по зорьке поедем, пока роса не обсохла.

Конечно, протанцевали они до первых петухов. Потом крались, чтобы не разбудить взрослых, стараясь не скрипнуть дверями и тихо прошмыгнуть в свои кровати.

Когда уже лежали под одеялами, стараясь незаметно перевести дыхание, донёсшийся из спальни родителей сердитый кашель дал понять, что все их ухищрения были напрасны, в ожидании неразумных деток никто не спал.

Проснулась Оля от шума мотора. Дядя Степан выгнал в ограду свой видавший виды, но всё ещё шустро бегавший по ухабистым просёлочным дорогам, грузовик. Сашкина кровать была аккуратно заправлена. Тётя Надя собирала провиант. Одну её никто не тревожил, позволяя поспать несколько лишних минуток после бессонной ночи.

Быстро соскочив с постели, натянула футболку, спортивные штаны она наскоро поздоровалась с тёткой и побежала в ограду смахнуть холодной водой из рукомойника остатки сна.

Позавтракали горячей разваристой пшённой кашей, обильно сдобренной домашним маслом, запивая её густым, холодным молоком. Сашка запрыгнул в кузов, остальные стали подавать ему обмотанные тряпками косы, грабли, вилы, посуду, заботливо упакованную тёткой Надей еду.

В последнюю очередь в кузов грузили гостью. Брат тянул за руки, а дядя с тёткой суетливо подталкивали снизу, приговаривая, что лучше бы ехала в кабине, а то в кузове-то растрясёт ненароком.

Мокрая от усилий, красная от стыда Оля с трудом перевалилась через борт и уселась на пристроенное возле кабины сиденье.

– На, укройся, а то продует, – Сашка заботливо протянул ей ватную телогрейку. – Отец сегодня сердитый, с ветерком помчится.

Грузовик действительно понесся лихо, не притормаживая на выбоинах, оставляя за собой словно дымовую завесу клубы пыли. Вцепившись намертво в край сиденья, Ольга пожалела в душе, что отказалась от предложения добраться до покоса в кабине.

Неожиданно машина резко затормозила.

-Что случилось? – крикнула в ухо Сашке сестра, боясь, что он не услышит её из-за шума мотора.

Посмотрев за борт, тот промолвил, ухмыляясь во весь рот:

– Камарья тоже на покос собралась.

– Какие комары? – громко переспросила она.

– Тише, ты, – ткнув локтём в бок, зашипел Сашка, – сейчас увидишь.

Но Ольге уже было не до него. В кузов с грохотом влетела коса, так же как и у них обмотанная тряпкой, потом потрепанного вида рюкзак, пара связанных за ушки верёвочкой кирзовых сапог, показалась старческая босая нога, и, не успела Оля моргнуть глазом, как легко перемахнув через борт, в кузове машины оказалась бабка. Сноровисто пробравшись к сиденью, она деловито подтолкнула Сашку, угнездилась справа от него и, перегнувшись к окну кабины, крикнула дяде Степану:

– Поехали!

У Ольги появилось стойкое желание помотать головой и проснуться. Одета в длинную чёрную юбку, свободную ситцевую рубашу, подпоясанную широким цветастым фартуком, из-под стянутого узлом на затылке цветастого платка на спину свободно падали седые пряди волос, лицо изрезанное глубокими морщинами и слегка крючковатый нос – старушенция очень походила на сказочную бабу-ягу.

– Гостя, гляжу, к вам приехала, – взглянула бабка на неё неожиданно яркими, пронзительно-синими глазами.

– Ольга, – представил брат. – Тёти Танина дочка.

– Вижу, что Танькина – одно лицо. Только глаза не её унаследовала, – внимательно оглядев городскую гостью с ног до головы, проговорила новая пассажирка. И, словно потеряв к ним всякий интерес, отвернулась и стала внимательно разглядывать проносящиеся мимо деревья.

Просёлочная дорога, петлявшая между колками, выбралась на крутой бок сопки, с которого открывалась широкая пойма извилистой речки Каменки, и резко пошла под уклон. По бревенчатому мостику они перебрались на левый берег, миновали густую поросль молодых пушистых лиственниц и остановились на краю поляны заросшей высокой по пояс травой.

– Приехали, – спрыгивая на землю, промолвил Сашка. – Ты Ольга, сначала вещи подай, а потом мы тебя спустим.

Вспомнив свою утреннюю погрузку, сравнив её с лёгким прыжком престарелой попутчицы, сестра покраснела до корней волос.

– Сама спрыгну, – сердито буркнула она.

– Как у Камарьи не получится, ещё ногу подвернёшь, – весело прокомментировал братец.

Не связываясь больше с болтуном, Оля занялась делом. После того как всё выгрузили, под Сашкины шуточки, при помощи родственников с трудом выбралась из кузова, отряхнув одежду она украдкой оглянулась в поисках старухи, но, к её облегчению, та уже исчезла.

– А где эта баба-ёшка?

– Камарья-то? Так, поди, уж, на своём покосе, – ответил братец.

– Как ты её назвал? – строго спросил отец.

– Камарья. А что? В деревне её все так зовут, – оправдался Сашка.

– Она для тебя Анна Васильевна! Запомни! И чтоб я в доме не слышал этого прозвища, – сердито взглянув на своё семейство, сказал дядя. В голосе его прозвучал такой металл, что даже гостье стало не по себе.

Покос, куда они приехали, принадлежал ни одному поколению семьи Тихоновых. Стан был сделан основательно, на года. Навес из досок, под ним обмазанная глиной печка, сложенная из принесённых с речки булыжников. Рядом, на случай дождя, небольшая поленница сухих дров. Под развесистой черёмухой стол, вокруг лавки на листовяных кругляшах. И, конечно, шалаш, где в самую жару можно было подремать на мягком душистом сене. Недалеко от стоянки шумела на перекатах Каменка. Забыв обо всём, Оля сидела на лавке, вдыхая медовый запах разнотравья и скошенной травы, слушая, как в выси еще не потерявшего утренней синевы неба, поёт жаворонок.

– Ну, что, племяшка, красиво у нас? – вывел из забытья голос дяди Степана.

– Очень! Если бы знала, что здесь так замечательно, каждое лето ездила к вам.

– Кто же мешал?

– Мама, как только заговорю о деревне, её словно подменяют, не

пушу и всё. Нынче они с отцом в санаторий уехали, а я вещички собрала и в деревню.

– Правильно поступила.

-Степан! С чего начинать-то? – отвлекая его от разговора, позвала тётя Надя.

– Вы с Олей кошенину гребите, а мы с Саней оставшуюся делянку скосим. Как управитесь, готовь обед, а гостя пусть ягодой полакомится. За перекатом, за сосняком на мари жимолость уже поспела. Пусть девчонка отведаёт ягодку с куста. Такой она в городе не пробовала.

Солнце припекало вовсю, когда женщины закончили сгребать сено.

– Ну, вот, на зарод хватит, – оглядев с одобрением небольшие копенки, произнесла тётя. – После обеда, если Бог дождичка не даст, можно будет и сметать. Ты Оля иди, в речке искупайся, вон как распарилась, а я пойду обед готовить.

– Дядя говорил про ягоду неподалеку. Дайте какую-нибудь посудину, сама попробую и вам соберу.

– Возьми, – протянула тётя котелок, что прихватили с собой для воды. Тут не заблудишься всё рядом, у Анны Васильевны за ерником покос, в случае чего на него выйдешь. По речке ориентируйся.

– А почему её так странно зовут? – услышав про попутчицу, спросила Оля.

– С детства, говорят, прозвище у неё такое. Ей за семьдесят, а шустрая, словно комар.

– Маму мою знает.

– Как же ей не знать, мы раньше в соседях жили. С сыном её – Павлом, в одной школе учились. Это потом, когда я за Стёпу замуж вышла, на другую улицу переехали. Ладно, разболталась я с тобой, скоро мужики голодные придут, а у меня даже печка не затоплена, – заспешила тётя. – Ты шагай прямо, – добавила она.

– Как раз к перекату выйдешь, речка мелкая, по сухому перейдёшь.

Ольга, добралась до небольшой заводи. Скинула одежду и, поднимая ногами сверкающую тучу брызг, с разбегу упала в обжигающе холодную даже в июльскую жару воду. Плескалась всего несколько минут, потом с оханьем, повизгивая от удовольствия,

выбралась на берег. Усталость унесло прочь вместе с водой. Натянув на мокрое тело одежду, Ольга по утопанной тропинке вышла к ягоднику. Жимолость ягода ранняя, похожа тёмно-синими вытянутыми ягодками на голубику, но вкус и аромат у неё особенный. Жаль, что долго на кустах не держится, быстро осыпается. Ребятишки и женщины стараются не упустить время и собрать её пораньше, чтобы потом долгой зимой лакомиться вкусным вареньем.

Дядя оказался прав, ягоду с куста нельзя было сравнить с той помятой, обмякшей, собранной ещё зелёной, чтобы не упустить прибыль ягодой, что продают в городе на рынке. Эта, закинутая полной горстью в рот, словно таяла, наполняя его кисло-сладким ароматным соком. Увлёкшись, Ольга пробиралась по ягоднику, больше бросая в рот, чем в котелок. На тонкой осинке чирикала какая-то пичужка. Рядом что-то бормотала на перекатах река.

Представив санаторскую жизнь по расписанию, серьёзные обсуждения папиного здоровья вечерами, мамыны охи по поводу её неуклюжести, Оля наслаждалась летом свободой, радуясь, что сбежала от бдительного родительского ока.

– В деревню его, сено косить, про массажи и иглоукалывания некогда стало бы вспоминать, – неожиданно с раздражением подумала про родителя. – Любят, когда соленья да варенья тётка из деревни присылает. Нет, самим сюда приехать, помочь.

Переходя от куста к кусту, она незаметно выбралась на маленькую полянку. И остолбенела. Напротив неё стояло странное существо. Маленькое, примерно с метр ростом, голова его состояла из огромных щёк, из-под которых на неё глядели, мигая два глаза. А ещё у человечка была седая борода до самой земли. А-А-А-А!!! – выронив котелок, и непрерывно крича от ужаса, она помчалась, не разбирая дороги.

Опомнилась только в стане. Мокрая с головы до ног она сидела на лавке – Сашка постарался, чтобы как-то её успокоить окатил из ведра холодной водой. Тетка, ругая его за это, одновременно пыталась напоить гостью каким-то отваром.

Трясущимися руками Оля взяла у неё кружку и, стуча зубами о край, осушила до дна.

-Что тебе привиделось? – присев перед ней на корточки, уже не

в первый раз спрашивал встревоженный дядя.

– Инопланетянин, – сказала она, глядя на него огромными синими глазами.

– Ну, ты придумала! Сроду у нас такого зверя не водилось. Медведи бывают, но теперь, однако после такого переполоха не скоро появятся.

– Правда, инопланетянин! – Возразила Ольга, вытерев ладошками выступившие слёзы. – Голова огромная, лысая, одни щёки, и между ними два глаза. И борода седая до земли. А ещё он мигал.

– Отправили ребёнка одного, – взволнованно проговорила тётя Надя. – Пусть, девочка, ягодкой, полакомиться! – Передразнила она мужа. – Она тайгу-то только на картинках да в кино видала. А если зайкой останется? Татьяна меня со свету сживёт, да и сама себе не прощу, – обняв племянницу запричитала тетка, утирая фартуком глаза.

– погоди голосить Надя! Вон, кажется, наш инопланетянин сам сюда идёт, – одёрнул её Степан.

Ольга вздрогнула и выглянула из-за тёткиного плеча. По тропинке размахивая руками, к ним шла Камарья. Все молча, ждали.

– Так торопилась, чуть котелок забыла, – проговорила она, поставив почти пустую посудину на лавку. – Чего ты, девонька так понеслась от меня? А кричала-то как! словно лешего увидела.

– Так это была ты?! – Подбоченившись, тетя Надя направилась к бабке.

Я, – нисколько не испугавшись, сказала Камарья. – Брала я ягоду, брала, а тут приспичило меня по маленькому, – нисколько не стесняясь мужчин, начала рассказывать она. – Коленки-то болят, вот я и пристроилась, как смогла, а тут по тропинке Ольга идёт. Спина-то тоже, не молоденькая, я склонила голову пониже, чтоб она моё лицо между ног разглядела. Только хотела спросить, сколько ягоды насобирала, а она в крик, и понеслась словно оленуха, я за ней. Ну, где же мне её молодую-то догнать. Ноги уже не те. А чего кричала-то? – участливо спросила она Олю.

Представив увиденную картину и то, что она приняла за щёки,

Ольга в неудержимом смехе свалилась с лавки. Спустя некоторое время, глядя на нее, хохотали все, вместе с Камарьёй. Отсмеявшись, перешли к детальному обсуждению происшествия. В стане стало шумно и весело. словно язычки пламени смех вспыхивал то тут, то там.

– Ну, хватит! – Прикрикнула Надежда. – Садитесь за стол, похлёбка остынет.

На столе, на чистом полотенце лежал нарезанный крупными кусками зернистый, испеченный из муки деревенского помола, хлеб. Ольга помогла расставить чашки с дымящейся похлебкой. Надежда на чистую тряпицу положила большие пучки зелёного лука, редиски, поставила солонку, чашку с пупырчатыми огурчиками прошлогоднего засола, тарелку с ломтиками розового сала и котелок горячей, разварной картошки.

После работы и испытанного стресса всё было так вкусно, что Ольга ела, набивая рот, позабыв про мамыны уроки этикета. Тётя, видя аппетит племянницы, всё подкладывала ей кусочки повкуснее.

После обеда расположились в тени черёмухового куста на разостланном брезенте, отдохнуть.

– Васильевна, а что за шум был вчера на том же ягоднике?

– Ох, и не говори, Степан! Мало про меня в деревне всяку ерунду болтают. А тут, и вовсе в кикимору превратили. Вы, хоть про нынешний то случай никому не рассказывайте, – попросила она.

– Не расскажем, – пообещал дядя, исподтишка показав Сашке кулак. – Кто тебя кикиморой назвал? Схожу, разберусь.

– А и разбираться нечего, Стёпа. Так уж они перепужались, что пожалеть их надо, а ни наказывать. Неладное это место, скажу я вам. Всегда на этом ягоднике со мной истории приключаются.

– Ты бы, Васильевна, нужду в кустиках справляла, чтоб никто не видел, так и историй меньше было, – проворчала тётка, переворачиваясь на спину, и прикрывая лицо снятым с головы платком.

– Не ворчи Надежда. Не специально же я это устроила.

– Конечно не специально, только вот Оленьку к Марфе, теперь надо вести, ладить.

– А это как? – с любопытством спросила та.

– Незачем ребёнка к этой чернокнижнице водить. Ещё порчу на девочку напустит, – поджав губы, сердито сказала Камарья. – Вы лучше ко мне приходите, я сама её на воск отолю.

– Много ты, Анна Васильевна, в этом деле понимаешь! – Отвергла её предложение тётка.

Да поболе твоего! – Вскочила со своего места бабка.

– Тише, чего загалдели, – прикрикнул на женщин Степан. – А ты Васильевна не уходи, лучше расскажи про ягодник. Может и правда нам не стоит больше туда ходить.

– Сейчас всё расскажу. Косила я. Солнышко за полдень перевалило, и решила я передохнуть, а заодно и жимолости набрать. Она мне давление хорошо снимает. Вот так же как сегодня беру себе ягоду, а она сочная спелая давиться в руках. Тут как назло мошка да комары, так и зудят, так и зудят. Видно перед дождём. А мне полянка попалась – все кусты синие, жалко бросать. Я и ягоду собирала, и кровопивцев этих на себе давила, пока с мошкаркой воевала, платок уронила в кустах. Волосы растрепались. Хлещу я себя по лицу, а что руки синие от сока и не подумала, так увлеклась. Конечно, картина видно была неприглядной, когда эта Матрёна-чернокнижница со своими внуками на меня вышла. Увидела меня и начала подвывать: – Сгинь, нечиста сила, говорит, сгинь кикимора, – а сама креститься, и вся аж трясётся. Мало сама напужалась, так и внуков переуродовала, дура старая. Как все трое заорут, и давай через кусты от меня ломиться.

– Баба Аня, ты после всего на себя в зеркало-то смотрелась? – давясь хохотом, спросил Сашка.

– А как же! Домой-то я пришла, правда, затемно, а вот когда свет зажгла и в зеркало взглянула, поняла, почему так Марфу в лесу-то проняло. Всё лицо от ягодного сока синее, а поверх кровь от раздавленных комаров, и волосы космами во все стороны торчат. Как есть кикимора.

Смех с новой силой грянул над станом.

Отдых длился недолго. Ушла Камарья, договорившись со Степаном, что бы забрал её на обратном пути в деревню.

До вечера все были заняты работой. Зарод получился хороший,

большой. Степан, когда вершил, только успевал поворачиваться, так разошлись его женщины во главе с Сашкой.

Солнце склонилось к закату, когда управились. Камарья уже сидела на лавке, поджидая всех.

– Чайку попьём и поедем, – предложила тётя, выкладывая на стол тарочки с молотой черёмухой, сметану и кулёк с карамельками. – Пододвигайся, Васильевна, пригласила она старушку.

– Налей чашечку, чё-то я сегодня устала. Дома ещё корову подоить надо, – произнесла та, пересаживаясь поближе к угощению.

– А почему вы таким тяжёлым трудом одна занимаетесь? Сын не помогает, пьёт наверное? – участливо спросила Ольга.

Над столом повисла мёртвая тишина. Надя со Степаном как-то виновато переглядывались, а Сашка, низко склонив голову, что-то колупал пальцем на столе.

Синие усталые глаза заглянули, казалось, в самую глубину души.

– Одна я Оля. Нет у меня сыночка. На чужой войне его убили. Вместе со Стёпой призывались. Степана-то только ранило, живой вернулся. А мне Павлушу в цинковом гробу привезли. С тех пор одна.

Ольга растеряно глянула на дядю. Застарелое, задавленное горе плескалось сейчас в его глазах.

– Я не хотела, простите меня, – проговорила занемевшими губами.

– Ничего, внучка, время оно раны затягивает, – погладив её по голове мозолистой рукой, промолвила старушка. – Вы тут собирайтесь, а я потихоньку пойду. Догоните, подберёте.

Какая-то мигом съёжившаяся и постаревшая, она перекинула через плечо сапоги, рюкзак, косу и побрела по тропинке.

-Васильевна! – догнал её Сашка. – Вещи отдайте, я занесу, как приедем.

Она отдала парню вещи и пошагала в сторону посёлка.

Ольга сидела притихшая. Было стыдно. Обидела ни за что, ни про что старого человека.

– Ольга, – окликнул её дядя, – я давно хотел тебе сказать.

– Степан! Ты же обещал! – Тётя умоляюще смотрела на мужа.

– Да до каких же пор молчать! – Грохнув кулаком по столу,

вскочил с лавки Степан. – Выросла, а отца родного пьяницей посчитала. Ольга, твой отец – мой друг, Павел Иванович Никифоров погиб смертью храбрых, а Анна Васильевна – его мать, твоя родная бабушка, – проговорил, словно отрубил дядя.

– Неправда, – прошептала она пересохшими губами. – А как же папа?

– Не слушай его Оленька, – кинулась к ней тётя.

– Правда, Оля, всё правда, потому и не пускала тебя сюда Татьяна, боялась, что ты всё узнаешь, – ни на кого не глядя, с горечью произнёс Степан.

Ольга растерянно переводила синие, как у бабушки глаза с одного на другого.

– Вот и погостила племяшка, – устало вздохнув, промолвила Надя. – Что же я теперь Татьяне скажу?

© Copyright: Галина БЕЛОМЕСТНОВА. Некаýаlar